

Константин, говоря о месте поселения руссов, то единственно возможным ответом на это будет указание на территорию полян с главным городом Киевом.

М. Н. Тихомиров показал, что в XII—XIII вв. название „Русь“ в узком смысле обозначало вполне определенную страну — Киевскую землю.¹ Но и в X в. под Русью и русской землей понималась в первую очередь Киевская земля.

Летописные повести X в. явно различают варягов и Русь. Для летописцев, однако, не было никакого сомнения, что русская и славянская грамота — одно и то же, а славянский и русский язык — один: „... аще и поляне звахуся но словенская речь бе“. Ни Д. Бьюри, ни А. Грегуар, ни А. Васильев не могут, конечно, объяснить, почему внук Рюрика (если верить летописной родословной) носил уже чисто славянское имя Святослав, почему послы Олега и Игоря при заключении договоров 911 и 944 гг. клялись не скандинавскими, а славянскими богами, почему Олег и Игорь в начале X в. пользовались в сношениях с Византией славянским (русским) языком в сохранившихся „Повестью временных лет“ русско-византийских договорах.

После исследований Н. А. Лавровского, С. Геденова, В. Сергеевича, А. А. Шахматова и особенно академика С. П. Обнорского, давшего лингвистическое исследование текста договоров, совершенно неоспоримо доказано, что дошедшие до нас договоры 911 и 944 гг. не только являются подлинными, но и написанными одновременно с их заключением. Договор 911 г. хотя и пропитан болгаризмами, но написан все же русским языком.² Таким образом, наличие русской славянской письменности в начале X в. — факт совершенно очевидный. Установлено, что договоры Олега с Византией составлялись в двух экземплярах: на греческом и славянском языках. Сохранившийся второй экземпляр ясно показывает, что русский язык начала X в., вопреки норманистской теории — это славянский, а не германский язык. Названия русских городов, на которых Византия, по сообщению летописца, давала „уклады“ по соглашению 907 г. (Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Любеч) — славянские названия: этот факт является лишним подтверждением того, что Русь в X в. не представляла собой чужеземного племени.

Византийские источники никогда не называют Русь норманнами. Они обозначают Русь либо как скифов, либо — тавроскифов. Русь у Фотия является народом скифским (а скифами византийцы IX в. обычно называли славян), народом бесчисленным, степным. Характеристика эта не подходит к скандинавским викингам.³ В сочинении Льва Дьякона также содержится ряд указаний на то, что тавры, составлявшие войска Святослава, были славянами. Византийский историк рассказывает, что в 970 г., когда Цимисхий выставил против русских заслон во Фракии (под командой Варды Склира и патрикия Петра), он приказал послать в неприятельский стан воинов, одетых в скифское платье, знающих оба языка, — с тем, чтобы они узнавали намерения русских.⁴ Этими двумя языками, знание которых требовалось от разведчиков, могли быть только греческий и славянский языки. Варяжские наемники (даже

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. „Советская этнография“, 1947, VI—VII, стр. 80.

² См. подробно М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 114 сл.

³ A. N a u s k. Lexicon Vindobonense. Petropolis, 1867, p. 201—205.

⁴ L e o Diaconus. Historia, ed. Bonn, 1828, p. 108.